

Дочь Ростроповича за отца отвечает!

Галина Вишневская не верит, что Ростроповича больше нет. "Слава просто уехал", - говорит она.

ИХ МЛАДШАЯ дочь Елена приехала поздравить маму (25 октября Галине Павловне исполнился 81 год. - Ред.). Она говорит о родителях как об огромном мире, который её сформировал.

- Для меня это первая потеря такого масштаба. Нам в некотором смысле повезло, что отец не мог нигде оставаться больше трёх дней, всё время мотался по миру. У нас не сложилось такой плотной семейной жизни. Знаете, когда утром встали - позавтракали, ушли на работу, вечером все собрались у телевизора. Поэтому и сейчас нам кажется, что папа просто надолго улетел. Так легче. Жизнь не закончилась, мама в своём оперном центре выпускает премьеры. Вот только на кладбище и в храме тяжело. Там осознаёшь, что он - где-то там (показывает вверх). А здесь - только табличка на кресте. Но я его чувствую, прошу часто: "У меня трудности, папа. Давай помогай". (Улыбается.)

Родина ни при чём!

- ПОСЛЕ той злополучной операции в Швейцарии ваш отец прожил почти год. Он знал о смертельной болезни?

- Глупости говорят, будто бы та операция что-то спровоцировала у отца. Мы были очень близки, и для меня известие о его болезни было жутким ударом. Как папа может быть болен?! Слово "рак" вообще не произносилось, в это поверить было невозможно. Он не заводил никаких разговоров о наследстве, не давал напутствий. До последнего дня надеялся. Ему перед юбилеем стало лучше. Мы думали - всё, пошёл на поправку.

- Если называть вещи своими именами, Ростропович приехал умирать на родину, которая, скажем так, неласково с ним обошлась. Лишение гражданства в советское время, критика его профессионализма в последние годы, после чего он зарёкся играть в России. Чей это был выбор - всё-таки приехать?

- Отец не собирался умирать. Он ехал в Москву лечиться. Мы-то знали, что скоро конец, и единственное место, где это могло произойти, - Россия. Мама и папа - очень русские люди, понимаете. Их выгнали отсюда власти, но Родина здесь ни при чём.

- Сейчас всю благотворительную деятельность родителей вы взвалили на себя. Вы папина дочка?

- Ольга (старшая сестра, живёт в Америке. - Ред.) тоже недавно взяла на себя один фонд. Я и папина, и мамина дочь. Половина на половину. И посреди всего этого ещё много своего (смеётся). У меня есть папина дипломатичность. Иногда жалею, что мало маминой прямоты. Когда не надо себе морочить голову, терять время на объяснения. Сказала - и всё... Трудолюбие и целеустремлённость - это от обоих. Они ведь страшно разные и одновременно очень похожи. Их феноменальной жизни хватило бы на десятерых. Нам с Ольгой очень повезло. Мы запросто общались с Шагалом, Солженицыным. Шостакович вообще считался членом семьи, Андрей Сахаров был соседом по даче. Эти гении для нас были совершенно обычными людьми.

Нас отдали в монастырь

- КОГДА семья уезжала из страны, вам было 16 лет, Ольге - 18. Вы хлебнули эмигрантской жизни?

- Первым ударом, ещё в Москве, стало то, что с нами, детьми, перестали общаться наши же друзья. Их родители им запретили. Люди во дворе, с которыми мы всю жизнь здоровались, молча, повернув голову, проходили мимо. Это был бойкот. А когда уезжали, не думали, что на всю жизнь. Нам сказали взять только самое необходимое. Сначала там было невероятно интересно. Много ездили, первый раз кока-колу попробовали. Я думала, она розового цвета, а оказалось - жуткого коричневого. То есть мы были

обыкновенными советскими людьми, впервые попавшими на Запад. Я, например, очень боялась лететь в самолёте. В Париже первое время жили в ужасной гостинице. Денег не было.

- У Ростроповича не было счёта в банке за границей?

- Откуда у него счёт, когда он все деньги отдавал Госконцерту?! Люди болтают ерунду - по незнанию или от зависти, не знаю. В чужой стране мы с сестрой оказались без друзей, по-английски я могла только сказать "My name is Peter", как в школе учили. Отец сразу стал давать концерты, чтобы оплачивать жильё и кормиться. Я выступала его аккомпаниатором.

А потом родителям надо было начинать новую жизнь, и нас отдали в монастырскую школу в Швейцарии, потому что дева было некуда! А там - французский язык, который мы вообще не знали. По-русски никто не говорит. Ничего нельзя, всё строго. Мы без родителей. В общем, жуткое время, жуткое. Потом - Нью-Йорк. Помню страшную гостиницу с нестираными простынями, грязные улицы. Это после улицы Горького-то! Свой испуг, когда впервые увидела негра. Вот идёт на меня чёрный человек, а я думаю: "Всё, сейчас убьёт!" Вот такая наивная была. Ну и, конечно же, советская пропаганда в мозгах.

>

- Ни разу не пожалели о том, что выросли в русской семье - с широтой взглядов, категоричностью поступков, а жизнь свою связали с рациональным и скучным Западом?

- Очень жалею. Я так и не нашла себя там. У меня нет места, где бы я считала, что я у себя дома. И это жуткое ощущение. Со своими детьми я не могу говорить на русском, потому что понимать-то они понимают, но отвечают мне по-английски. Я не хочу драматизировать, но жизнь там другая. Мне в Москве очень комфортно. Старший сын заявил на днях, что хочет пожить в России. Он медик. Я очень рада.

- Галина Павловна сказала, что идея распродать недвижимость созрела у них с мужем давно. На старости лет родители хотели жить в России?

- Они не принимали таких решений - пакуемся и едем. Папа же колесил по всему миру, нигде не жил долго. В какой-то момент у них было 11 домов и квартир, заполненных русским искусством. Они себе в каждом доме сделали свою Россию. Про коллекцию будете спрашивать?

- Честно говоря, собирался...

- Мы уже устали объяснять! В тех странах, где отец бывал часто, он выбирал местечко, где чувствовал себя хорошо, покупал квартиру или дом и обставлял его предметами русского искусства. Не французскими или итальянскими, а российскими. Это, может быть, трудно понять, но их выгнали из Отечества, которое они любили.

- У вас в Москве квартира и дача сохранились, не отобрали. Есть где жить сейчас.

- Ждали, что отнимут, но кооператив же был, на собственные деньги всё купили. Вот Центр оперного пения на Остоженке мама несколько лет назад передала городу. Об этом не говорят. Всех интересует, за сколько продана коллекция и куда будем тратить деньги. Очень по-русски. (Смеется.)

- Пройдут годы, о Ростроповиче будут вспоминать как о музыканте или прежде всего как о человеке, который сделал много добра?

- Те, кто был с ним знаком, будут вспоминать человека. Но для всех он, конечно же, величайший музыкант. Знаете, я думаю, Господь раздаёт таланты людям, чтобы приблизить их к себе. Мой отец правильно распорядился своим талантом.